

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190305
УДК 329+94(47+57) КПСС"1929"

М.А. ФЕЛЬДМАН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРАФОН НА ВЫЖИВАНИЕ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ, ИЛИ XVI КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП(Б) БЕЗ РЕТУШИ И ГЛЯНЦА

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы,
РФ, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66

В статье рассмотрены основные события, произошедшие на XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. Сделаны выводы о формах и результатах дискуссии на партийном форуме. Указаны, как позитивные изменения в историографии событий третьей декады 1929 г., так и традиционные оценки роли и значения XVI конференции ВКП(б) в жизни Советского государства. Приведены доказательства отношения делегатов конференции к произвольному, оторванному от реальности, увеличению плановых показателей в течение осени 1928 – весны 1929 г. Прослежена связь практики трех докладов о пятилетнем плане развития народного хозяйства (Госплана, ВСНХ и СНК) на пленумах ЦК и партийной конференции и внутрипартийной дискуссии о выборе путей модернизации страны. Развивается тезис о том, что большинство делегатов конференции говорили о допустимости при определенных условиях (создания крепких колхозов) принятия в коллективные хозяйства кулаков, критикуя тех, кто требовал превентивных репрессивных мер против наиболее умелых крестьян.

Ключевые слова: конференция, пленум, партия, делегаты, коллективизация, кулаки, крестьяне, пятилетка, план, перелом.

M.A. FELDMAN

POLITICAL MARATHON FOR THE SURVIVAL OF PEOPLE AND IDEAS OR XVI CONFERENCE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS WITHOUT RETOUCHING AND POLISHING

Ural Institute – a branch of the Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

The question of the possibility of the Soviet society's development on the "new economic policy" base in the historical literature of the early XXI century received mainly a negative answer: according to many authors' views, there was no alternative to Stalin's modernization in the USSR in the late 1920s. For example, the thesis of "delivering as one" of delegates of the XVI AUCP(b) conference remains until now, 90 years later. The paper objective is to reveal whether the postulate of the integrity of the XVI conference delegates is true; to find out who were participants of fierce internal party struggle during a year (April 1928 – April 1929); is there really no need to talk about any form of discussion at the conference, and as a consequence – how fair it is to claim that there were no alternatives to Stalin's mobilization model? The article deals with the events of the XVI AUCP(b) conference in the general political context of the first months of 1929. Among delegates of the XVI AUCP(b) conference the most significant was the group of Communists who opposed the most unbridled initiatives of the Stalinists. The New Economic Policy (NEP)'s positive results developed some potential of social immunity from left-wing radical actions, and violence in the lives of some Soviet functionaries. It was those managers who tried to

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, проф. кафедры, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: feldman-mih@yandex.ru.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration.

talk about acute social and economic problems; to preserve at least a “truncated” NEP. This group’s position was weakened by long-standing hatred of private capital, especially kulaks, but without applying the preventive repressive measures. Contrasting to four previous Plenums of the AUCP(b) Central Committee in spring 1928 – spring 1929, which divided the party elite into supporters of preserving a multi-layered economy (“resisting”), conformists, and those who actively supported Stalin’s line, the majority of delegates of the XVI AUCP(b) conference demonstrated both resistance to the course of continuous collectivization, and emphasized conformism, regularly voting for resolutions condemning the “right”.

Keywords: conference, plenum, party delegates, collectivization, kulaks, peasants, five-year plan, plan, crisis.

В научной литературе XVI конференции ВКП(б) уделено не так уж много внимания: отечественные и зарубежные авторы упоминали ее как свидетельство подтверждения политической победы Сталина над оппонентами на Апрельском пленуме ЦК ВКП(б); как пример безоговорочной поддержки сталинского курса делегатами конференции и как завершение отказа от двухвариантного пятилетнего плана и перехода к только «оптимальному варианту» [1, с. 185].

Брошюра агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) «Об итогах XVI конференции ВКП(б)» вышла вскоре после завершения партийного форума в последней декаде апреля 1929 г., дополнив так называемую «Библиотеку агитатора» [2]. Руководство ЦК ВКП(б) через самые различные информационные каналы спешило ввести в общественное сознание сталинские оценки событий драматического и действительно переломного апреля 1929 г. После победы сторонников Сталина на Пленуме ЦК в апреле 1929 г. [3, с. 5] XVI конференции ВКП(б) должна была закрепить на общепартийном уровне отход от политики нэпа. Текст брошюры начинался с утверждения о том, что напряженная международная обстановка диктует необходимость максимально ускоренного развития СССР в технико-экономическом отношении. В связи с этим значение XVI конференции ВКП(б) определялось «принятием пятилетнего плана развития народного хозяйства» – «Программы развернутого социалистического наступления» [2, с. 6].

Такая дефиниция прочно вошла в советскую историческую науку [4, с. 136], фокусируя в свою очередь приоритет поставленных XVI конференцией задач: во-первых, «обеспечение максимального развития производства средств производства»; во-вторых, «решительное усиление социалистического сектора в городе и деревне» [2, с. 7, 10]. Как видно, задачи раннеиндустриальной модернизации были тесно увязаны с постепенным разрушением рыночных отношений и разорением (вытеснением) слоев населения, находящихся за пределами государственного сектора.

Незыблемость понимания роли XVI конференции ВКП(б) как инстанции, утвердившей запуск первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, не вызвала сомнений у историков советской эпохи. Комментировались только детали: так, В.И. Касьяненко отмечал *внимательное* обсуждение делегатами XVI конференции ВКП(б) первого пятилетнего плана. Однако, судя по авторскому тексту, «внимательное обсуждение» главным образом было сконцентрировано на осуждении сторонников нэпа [5, с. 91].

Глобальный вопрос: почему после утверждения на пяти съездах плановых работников СССР, а также на двух пленумах ЦК ВКП(б) в июле и ноябре 1928 г. двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определенную гибкость хозяйственной политики [6, с. 111], после недельного обсуждения (26 марта – 4 апреля 1929 г.) на объединенном заседании Совнаркома, Совета Труда и Оборона СССР постановлением правительства СССР от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один вариант – оптимальный [7, с. 138], на конференции, начавшейся вечером 23 апреля, даже не обсуждался. За рамками исторических исследований он находился до начала 1990-х гг. Только в 1990-е гг. стало возможным заявить о том, что доводы ученых о несбалансированности «оптимального варианта», о том, что многие его элементы экономически не обоснованы, не были приняты во внимание Сталиным и его командой [8].

В начале XXI в. историки обратили внимание на принципиально важный момент в ходе работы XVI конференции ВКП(б): заявление руководителя Госплана Г.М. Кржижановского об отсутствии действительной интеграции планов промышленной и военной модернизации. Оговорка председателя Госплана – «один из неразработанных разделов нашей пятилетки – это трактовка нужд военного ведомства, тракторка нужд обороны» [9, с. 57, 59] – указывала на подлинный, а не на мнимый недостаток «программы развернутого социалистического наступления»: зависимость пятилетних планов от перемен внешнеполитического курса советского руководства.

При этом общая оценка XVI конференции ВКП(б) не подверглась изменениям. О капитуляции оппозиции, «уже не выступавшей против пятилетнего плана в варианте ВСНХ» (т.е. в сталинском), писал Верт [1, с. 185]. По мнению О.В. Хлевнюка, апрель 1929 г. стал временем победы сталинской фракции и, как следствие, принятием политики «большого скачка» [10, с. 159]. Поддерживая в целом эту мысль, Р. Такер тем не менее уточняет, что и пленум ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г., и XVI конференция ВКП(б) поддерживали в сущности политику намного более умеренную, чем та, что начал вскоре осуществлять Сталин. Так, принятый на конференции пятилетний план не требовал проведения сплошной коллективизации. В резолюции конференции не предусматривалось резкого сокращения «индивидуального сектора», в ней говорилось только о необходимости сократить к 1933 г. его количественный рост [11, с. 109].

По точному замечанию Р. Такера, и после всеобщих пленумов ЦК ВКП(б) 1929 г. те, «кто поддержал

позицию Сталина (или, по крайней мере, большая их часть), ... «будучи наследниками политической культуры большевистского движения, допускающей внутрипартийные споры», ... не были еще «сталинистами» в смысле автоматического одобрения всех решений Сталина» [11, с. 169]. Тем не менее тезис о единстве действий делегатов конференции и спустя 90 лет остается неизблемым. Похоже, абзац из еще одной брошюры ЦК – «Итоги XVI конференции ВКП(б)» – «конференция была мощной демонстрацией ленинского единства и идейной монолитности нашей партии» [12, с. 6] – надолго «заколдовал» историков (в силу неполноты знания).

Насколько же верен постулат о «монолитности» делегатов XVI конференции, ставших на протяжении года (апрель 1928 – апрель 1929), в той или иной степени, участниками ожесточенной внутрипартийной борьбы? Действительно ли не приходится говорить о какой-либо форме дискуссии на конференции, и как следствие, – насколько справедливы утверждения об безальтернативности сталинской мобилизационной модели? При анализе вариантов политического поведения участников заседаний XVI конференции ВКП(б) были использованы методики, предложенные Е.А. Осокиной [13]. Рассматривая отношения внутри советского общества в сталинский период как социально-культурологический и антропологический феномен, она выделила категории активного (реального, организованного) и пассивного (стихийного, неорганизованного) сопротивления наступления сталинизма [13, с. 390]. Варианты поведенческого конформизма, инструменты конформизации в 1920-е гг. были изучены С.В. Яровым [14]. Указанный методический инструментарий позволил систематизировать выступления делегатов XVI конференции следующим образом: проявление осознанного сопротивления сталинизму; сопротивление ряда участников как форма социального иммунитета; случаи конформизма, покорность власти.

Большинство делегатов XVI конференции ВКП(б) с решающим голосом составляли региональные партийные и советские функционеры [15, с. 588], зафиксировавшие негативные социальные последствия шагов по деформации нэпа в 1928 г., ощутившие рост народного недовольства в городе и деревне [13, с. 95–97]. Каким было подлинное поведение этих участников партийного форума? Выяснению этого вопроса и посвящена данная статья.

Трудно объяснить, почему было принято решение: сразу же после восьмидневного марафона Апрельского пленума ЦК ВКП(б), завершившегося в первой половине дня 23 апреля 1929 г., вечером в тот же день начать работу XVI конференции ВКП(б). Но историкам приходится отвечать и на трудные вопросы. Диапазон ответов ограничен между формальной стороной вопроса – стремлением представить, открывающемуся в мае 1929 г. V съезду Советов СССР Пятилетний план развития народного хозяйства, а также неформальной – желанием Сталина закрепить успех на Апрельском пленуме ЦК ВКП(б), достигнутый за счет

применения *массированного социально-политического обмана* (бездоказательных фальсификаций, например, о «создании в последнее время условий, необходимых для массового развития колхозов и совхозов») [16, с. 481–482] и т.п.

Анализ материалов (Апрельского 1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) показывает, что победа сталинского курса носила непрочный характер, поскольку даже в выступлениях приверженцев генсека звучали признания в неподготовленности к обобществлению сельского хозяйства в самых различных регионах СССР. Кроме того, ряд участников пленума либо уклонились от критики «правых», либо «отделались» коротким замечанием [17]. Резолюции Апрельского пленума ЦК ВКП(б), клеймящие сторонников сохранения нэпа и относящие любое инакомыслие к антипартийным действиям, завершали один политический марафон и должны были дать целенаправленный вектор очередному партийному форуму.

Нельзя не отметить: предисловие к Стенографическому отчету XVI конференции ВКП(б), изданному в 1962 г., представляет собой яркий образец исторической мысли советской эпохи. С одной стороны, хрущевская «оттепель» вычеркнула из «списка героев» имя Сталина – фамилия генсека просто не приводится на 25 страницах текста. С другой стороны, неоднократно звучат обвинения в адрес «правых» в попытках произвольно снизить темпы роста экономики. В качестве «тяжелого греха» А.И. Рыкова и его сторонников упоминается попытка допустить «мирное вращение кулака в социализм» [15, с. XIII].

Нестыковка идеологической конструкции и реальной жизни отчетливо видна в заявлении авторов предисловия о том, что «конференция проходила в сложной международной обстановке», «подкрепленном» сообщением о подписании в Москве в феврале 1929 г. Протокола между СССР и Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией о досрочном введении в действие Парижского договора об отказе от войны как орудия национальной политики, а также информацией о внутренних затруднениях ведущих стран Запада «накануне глубочайшего экономического кризиса в конце 1929 г.» [15, с. VI]. В предисловии не приведено ни одного факта в оправдание нагнетания обстановки «осажденной крепости» в Советской стране!

Предисловие к Стенографическому отчету XVI конференции ВКП(б) акцентировало внимание на *единстве взглядов делегатов*, одобрявших Пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. – «научно обоснованную программу построения фундамента социалистической экономики» [15, с. V]. Но обратимся к ключевому положению предисловия: «доклад А.И. Рыкова (о Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг.) не удовлетворил делегатов», поскольку ... «Рыков сделал ударение на наличии опасностей, грозивших осуществлению пятилетнего плана, и ничего не сказал о путях их преодоления, тем самым ставя под сомнение реальность пятилетки» [15, с. XIV].

Насколько этот тезис подтверждается материалами Стенографического отчета? Доклад председателя СНК СССР и СНК РСФСР А.И. Рыкова о Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. на вечернем заседании 23 апреля 1929 г. фактически открывал работу XVI конференции ВКП(б). Главе советского правительства хорошо было известно о произвольном, совершенно оторванном от реальности увеличении плановых показателей в течение осени 1928 – весны 1929 г. Однако соблюдение партийной дисциплины и единства партии для многих большевистских лидеров было первоочередной ценностью. Вот почему докладчик неоднократно подчеркивал единство руководства партии в вопросах о темпах роста экономики: ожесточенные дискуссии в Политбюро и на пяти пленумах 1928–1929 гг. были оставлены прошлым; содержание доклада было глубоко оптимистично и даже местами пафосно. Рыков был самокритичен: «многие из нас ошибались, думая, что при переходе от так называемого восстановительного периода к реконструктивному темпы развития нашего хозяйства и, в частности, промышленности потерпят решительное снижение и будут гораздо ниже тех, которые оказались в действительности в последние годы» [15, с. 11].

Последующую часть доклада пронизывала вера в то, что темпы роста будут высокими и дальше! Завершался доклад на радужной ноте: Пятилетний план был представлен как «результат блестящей предыдущей работы нашей партии» [15, с. 24]. В идеологически выдержанном тексте доклада (не обремененном ни теоретическими тезисами, ни статистическими данными) содержалось одно-единственное место, которое могло привлечь внимание сталинцев. Как подчеркнул Рыков, «при всей огромности намечаемой работы обобществленный сектор (колхозы и совхозы) к концу пятилетия даст лишь 40 % всей массы товарного хлеба; остальные же 60 % приходятся на индивидуальный сектор. Нельзя считать, что задача обобществления сельского хозяйства и забота о развитии бедняцко-средняцкого хозяйства взаимно исключают друг друга. Наоборот, вся проблема подъема и реконструкции сельского хозяйства может быть разрешена успешно лишь при правильном сочетании этих обеих задач» [15, с. 16].

В данном случае глава СНК приводил известные показатели пятилетнего плана. Но если те же самые цифры в докладе руководителя Госплана Г.М. Кржижановского (впервые в его выступлениях 1928–1929 гг.), «в духе времени» сопровождалась антиутопической риторикой» [15, с. 37], а у председателя ВСНХ В.В. Куйбышева – еще и угрозами («не мирным путем будет социализирована деревня, не мирным путем будут расти колхозы и совхозы» [15, с. 70]), то указанный фрагмент речи Рыкова явственно утверждал возможность сосуществования колхозно-совхозного и индивидуального секторов в деревне.

Практика трех докладов о пятилетнем плане развития народного хозяйства (Госплана, ВСНХ и СНК) была устойчивой: пленумы ЦК в ноябре 1928 г.

и в апреле 1929 г. открывались выступлениями Рыкова, Кржижановского и Куйбышева. Не стала исключением из правил и работа XVI конференции ВКП(б). Предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ, как отмечалось в исторической литературе, на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [6, с. 231, 233]. За каждой уступкой шло сокращение пределов многоукладной экономики.

В то же время ни доклад Кржижановского, ни доклад Куйбышева, открывшие утреннее заседание 24 апреля, не содержали каких-то критических замечаний в адрес выступления главы советского правительства. Можно предполагать, что в ходе длительных споров и согласований трех руководителей («хозяйственников» – по терминологии того времени) формировались и общие подходы. Только в самом конце докладов Кржижановского и Куйбышева прозвучало ритуальное осуждение «правого уклона» [15, с. 55, 78].

Утреннее и вечернее заседания 24 апреля продолжили 17 коротких выступлений делегатов. Четырнадцать партийцев (в том числе шестеро – члены и кандидаты в члены ЦК) либо не упомянули ни словом о «правом уклоне», поднимая конкретные технократические вопросы, либо говорили обтекаемо о недопустимости сомнения в правильности партийной линии. Еще один выступающий – Г. И. Петровский – ограничился короткой сентенцией: «помешает ли нам правый уклон осуществить пятилетку, индустриализацию страны? Все уклоны в сторону капиталистической стихии партия, несомненно, отметет» [15, с. 114, 115].

Два делегата обрушили на «правых» ожесточенную критику. Так, Ю. Ларин (М.А. Лурье), сконцентрировав свое выступление на недочетах доклада Рыкова («не говорил о классовой борьбе», «указал на трудности подъема производительности труда, но не сказал, на каких путях мы их преодолеем»), более чем произвольно резюмировал: «получается впечатление, что та пятилетка, которую он докладывал, является, по его же мнению, нереальной» [15, с. 145].

Тем не менее соотношение критиков представителей «правого уклона» и «умолчавших» было очевидно и для участников конференции, и для Сталина. После грозных резолюций Апрельского (1929 г.) пленума, клеймящих «правых» как оппортунистических ренегатов, это было явной неожиданностью для Сталина: резолюции пленума, продавленные командой генсека при помощи обмана и фальсификации данных, и многолетние партийные связи, подкрепленные жизненной практикой, оказывались в разных реальных плоскостях.

Третий день – 25 апреля – не изменил хода событий. Двенадцать делегатов конференции (в том числе шестеро членов и кандидатов в члены ЦК), выступивших на утреннем заседании, всерьез и критически обсуждали самые различные аспекты пятилетнего плана. Вместо политического уничтожения сторонников сохранения многоукладной экономики звучали сдер-

жанные пожелания о «недопустимости колебаний в партии» (у председателя Ленинградского областного совнархоза И.Ф. Кадацкого), либо необходимости «отпора всяким колебаниям в проведении генеральной большевистской линии» (у заведующего отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) А.И. Криницкого) [15, с. 158–159].

В выступлениях делегатов отражались реальные проблемы советской экономики. Так, председатель правления Центрального союза потребительских обществ (Центросоюз) И.Е. Любимов заявил: «нет ни одной страны в мире, где было бы так высоко налоговое обложение, и нет ни одной страны, где так низки были бы фактические торговые издержки как у нас. Они у нас составляют в отношении стоимости товаров 26 %, тогда как в Америке и в ряде других стран они доходят до 90 %». Не случайно после такого налогового пресса у сельской потребительской кооперации в СССР прибыль за год не превышала 1,4 %, а у городской – 0,9 % [15, с. 190–191].

Логическим завершением четвертого заседания конференции стало выступление кандидата в члены ЦК ВКП(б), заведующей отделом агитации и пропаганды Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) К.И. Николаевой. Известный деятель партии (в 1924–1926 гг. возглавлявшая отдел работниц ЦК ВКП(б)) Николаева прямо заявила: «не все ... понимают новую экономическую политику. Есть товарищи, которые рассматривают нэп как нечто застывшее, не видят нового в переживаемом этапе и делают неверные выводы: “назад к нэпу”, “нормализация рыночных отношений”. Что означает назад к нэпу? Разве есть решения партии, отменяющие нэп? Ничего подобного нет; мы вступили в новый период нэпа, в период реконструкции всего народного хозяйства города и деревни» [15, с. 193].

Вместо проклятий в адрес сторонников нэпа, заявлений о разрыве с прежним курсом и периодом заседание закончилось здравницей новой экономической политике, а вместо отрицания рынка – призывом к сочетанию рыночных отношений с развитием контрактации, кооперации, производственного кооперирования бедняцко-середняцких хозяйств; создания колхозов и совхозов на основе технической реконструкции деревни [15, с. 194]. Дискредитация людей для сталинской команды оказывалась куда более простым делом, чем дискредитация идей оппонентов.

Собственно говоря, это подтвердило и вечернее заседание конференции 25 апреля, завершающее обсуждение пятилетнего плана. Председатель Совета союзов сельскохозяйственной кооперации М.Ф. Владимирский сделал акцент на «генетической связи» простейшей кооперации и колхозов и совхозов, подчеркнув, что «темп колхозного движения зависит именно от того, насколько кооперация в состоянии будет осуществить те темпы производственного кооперирования, которые запроектированы в нашей пятилетке» [15, с. 237]. Получалось, что не «воля партии», не указания партийных вождей, а объективные факторы должны были определять темп коллективизации,

понимаемой к тому же в качестве составной части кооперации.

Подводя итоги обсуждения пятилетнего плана, Г.М. Кржижановский, используя опыт тактических действий Сталина на пленумах 1928 г., построил свое выступление на основе высмеивания «слабого звена» критиков Госплана – особенно Ю. Ларина [15, с. 257, 260] за легковесность его суждений. Завершающие восторженные слова руководителя Госплана в честь пятилетнего плана – «лучшего памятника основоположнику нашей партии» [15, с. 270] – казалось, примирili делегатов конференции.

Очередное обсуждение пятилетнего плана на пяти заседаниях партийной конференции явно шло не по сталинским лекалам, но после победы на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК генсек мог позволить выдержать паузу, ограничившись за семь дней конференции одной короткой презрительной репликой [15, с. 318], молча фиксируя любые отклонения от того, что хотел бы услышать.

День 26 апреля (шестое заседание конференции) открылся обширным докладом М.И. Калинина «Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка». Из доклада следовало, что за годы революционных потрясений не только были ликвидированы помещичьи имения, но и подорвана экономическая мощь кулацкого хозяйства: из 40 % земельного фонда у зажиточных крестьян осталось только 5,5 %. «Было проведено повальное раскулачивание кулаков в области землепользования. И в настоящий время кулак может только нелегально или полулегально, или арендовать землю у бедноты, запахивать лишнюю землю» [15, с. 271, 277].

«Всесоюзный староста» привел немало примеров улучшения положения дел в деревне: рост площади под многопольным оборотом в 4 раза; увеличение в 2 раза снабжения крестьян сельскохозяйственным инвентарем; увеличение масштаба агротехнических мероприятий; рост доли крестьян, охваченных простейшими видами кооперации [15, с. 272–274].

Главная проблема заключалась в том, что процесс измельчания размеров крестьянских хозяйств вызывал снижение товарности бедняцких и середняцких дворов, владеющих 94,5 % земельного фонда. Но цифры, приведенные докладчиком, носили явно не критический характер: у бедняцких и середняцких хозяйств по сравнению с довоенным временем товарность упала на 3 %, колхозы и совхозы давали только 6 % товарного хлеба [15, с. 277]. Проблема увеличения товарности крестьянских хозяйств, (но не классовая борьба в деревне!) выходила на первый план в этой части доклада М.И. Калинина. Перевод индивидуального крестьянского хозяйства на коллективные начала включал и меры по «систематическому ограничению капиталистических элементов деревни». Нетрудно заметить отличие такого тезиса от лозунга «вытеснения кулачества» из сельского хозяйства.

Сам переход к коллективному хозяйству мог быть сделан только при обеспечении технической рекон-

струкции села. Доклад включал и предложения по снижению налоговой нагрузки на крестьян-середняков, исходя из «стремления поднять крестьянское индивидуальное хозяйство». Хотя докладчик произнес немало слов осуждения «правых» и «правого уклона» [15, с. 282–286], делегаты не могли не заметить, что ни одна фамилия из «правых» не была названа.

Спустя 90 лет видно и другое: меры, изложенные Калинин, мало чем отличались от предложений Рыкова на пленумах ЦК 1928–1929 гг. «Наш план отличается от утопии, которая имела в свое время самодовлеющую ценность, как научный социализм отличается от утопического социализма» [15, с. 282], – резюмировал М.И. Калинин. «Правые», требующие разделить индустриальный проект, и их утопические действия потерпели поражение. Но спустя несколько дней «всесоюзный староста» повторил главный конструкт оппонентов Сталина. Осторожность и политическая расчетливость не оставляли Калинина в конце 1920-х гг. Значит, председатель ВЦИК СССР чувствовал настроения значительной части делегатов.

Судя по выступлениям заведующего агитпропотделом Нижегородского губкома партии В.В. Ломинандзе, секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) С.И. Сырцова, наркома земледелия РСФСР Н.А. Кубяка, первого секретаря обкома партии Центрально-Чернозёмной области И.М. Варейкиса, других партийных и советских работников, они готовы были поддержать многое из названного Калинин: предложенные меры неоднократно звучали в резолюциях XV съезда партии и последующих пленумов ЦК, формировавших агротехническую основу реконструкции деревни.

Но одна из составляющих большевизма – идейная ненависть к «капиталистическим элементам деревни», усиленная «выбиванием» зерна в период хлебозаготовок 1928 г., вылилась в готовность поддержки «безвозмездного отчуждения у кулаков живого и мертвого инвентаря, не говоря уже о денежных капиталах и натуральных накоплениях» и «выкорчевывания кулачества» [15, с. 314, 329]. На четвертый день работы пленума прозвучали слова, столь ожидаемые Сталиным. Как видно, там, где в дело вступал примат классовой борьбы, человеческий фактор и технический прогресс начинали жить в разных полушариях большевистского сознания.

Ситуацию обсуждения проблем сельского хозяйства ярко характеризует выступление наркома земледелия Украины А.Г. Шлихтера. В нем звучало скрытое раздражение против «недооценки роли совхозов» и недостаточного ракурса «мобилизации бедняцко-середняцких масс против кулака» в докладе М.И. Калинина, переадресованное «правым оппортунистам» и лично Н.И. Бухарину. Но финиш венчает дело: по мнению Шлихтера, существовали предпосылки для того, чтобы *за десять лет завершить коллективизацию на Украине (!)* [15, с. 303–305, 309].

Казалось бы, уже решенный в пользу Сталина и его сторонников один из стержневых вопросов дискуссий на Пленумах ЦК 1928 – весной 1929 г. – от-

ношение к зажиточному крестьянству – вдруг вновь всплыл как айсберг на вечернем заседании 26 апреля. Наиболее четко свое отношение выразила А.С. Калыгина – председатель Смоленского губисполкома: «там, где имеются тракторные колонны с тысячами гектаров со многим количеством деревень, где все хозяйства должны перейти по договору на совместную запашку земли, конечно, можно оставлять кулака в колхозе». Эту же мысль поддержал еще ряд делегатов [15, с. 357, 359]. Варейкиса, требующего запрета приема зажиточных крестьян в колхозы, осадила ироническая реплика С.В. Косиора: «ты за классово чистые коллективы?» [15, с. 334].

Но для Сталина было недопустимо завершить обсуждение доклада Калинина на столь нерадужной ноте. Последним на трибуну на вечернем заседании 26 апреля вышел слушатель Института красной профессуры Г.М. Стрельцов, большую часть своего выступления построивший на обвинениях против «правых» и лично Н.И. Бухарина [15, с. 370–374]. Историческая реальность вступала в бой с большевистской идеологией, но за спиной последней находились резолюции Апрельского 1929 г. пленума ЦК ВКП(б).

Утреннее заседание 27 апреля продолжило обсуждение доклада Калинина. Критика «правых» присутствовала у большинства из 13 выступивших. Однако одновременно крепчал голос тех, кто противился насильственной коллективизации. Наиболее четко эту мысль (к удивлению автора предлагаемой статьи) выразил С.М. Буденный. Нельзя давить на крестьян, принуждая к вступлению в колхозы, заявил военачальник. «Если мы будем подходить к ним с такими формами принуждения – не давать улучшенных или чистосортных семян и т.д., – то будем разрешать построение коллективных хозяйств по-чиновничьи, и этим будем тормозить развитие колхозов». Это будет «чиновничий подход, которого сейчас на селе хоть отбавляй» [15, с. 415].

Большинство делегатов говорили на утреннем заседании о допустимости при определенных условиях (создания крепких колхозов) принятия в коллективные хозяйства и кулаков; критикуя тех, кто требовал превентивных репрессивных мер против наиболее умелых крестьян. Так, З.М. Беленький, член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, подчеркнул: «не правы те, кто говорит, что никогда и ни при каких условиях не следует принимать кулаков в колхозы» [15, с. 405].

У черты, за которой идеологические конструкции были готовы превратиться в репрессивные правовые нормы, среднее звено большевистских лидеров заколебалось и было готово отступить. Но и сторонники Сталина в этот день, оказавшись в явном меньшинстве, вынуждены были откреститься от политики «чрезвычайных мер» [15, с. 409]. Подводя итоги обсуждению доклада, Калинин объявил, что большинство делегатов поддержали тезисы доклада. «Всесоюзный староста» резюмировал: одной из важнейших задач партии является «подъем индивидуальных бедняцких и се-

редняцких хозяйств». Что же касается «капиталистических элементов деревни»: кулаки допускаются в колхозы, но не в их руководящие органы [15, с. 437–442]. Обсуждение двух важнейших вопросов на партийной конференции явно шло не в русле сталинских замыслов: социально-экономические проблемы заслонили вопросы классовой (внутрипартийной) борьбы. Реалии индустриализации в крестьянской стране вступали в бой с утопиями, и, как казалось, в этот апрельский день одерживают победу.

Однако идеология взяла реванш: информационный доклад секретаря ЦК В.М. Молотова об итогах объединенного Апрельского (1929) пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) с резким осуждением взглядов «правых» (группы Бухарина) был принят «единогласно при отсутствии воздержавшихся» [15, с. 585]. Столь же «единогласно» был принят доклад Е.М. Ярославского «О чистке и проверке членов и кандидатов партии» [15, с. 589–611]. Прения по докладу не открывались. Подуставшим делегатам конференции (многие из них заседали, считая участие в пленуме ЦК, уже две недели) Ярославским было преподнесено немало смешных историй о «разложившихся в бытовом отношении партийцах». За смехом легче было не думать о масштабах проведенных чисток: о том, что вычищенных за 1921–1928 гг. оказалось 435 075 чел. [15, с. 589] – четверть состава партии; о том, что из 254 делегатов с решающим голосом на конференции присутствовали 222 партийных работника – и только двое рабочих с производства [15, с. 588]; о том, что уже были названы социальные группы, выбранные для проведения дополнительных чисток [15, с. 600–602].

Партийные форумы в СССР неизменно должны были заканчиваться на счастливой ноте. И эта нота прозвучала, когда председательствующий Я.Э. Рудзутак провозгласил: «настоящая конференция утвердила план непосредственного, материально осязаемого, действительного социалистического строительства».

Для Сталина реализация индустриального проекта, воплощенного в пятилетнем плане, была жизненно важным делом: от успеха пятилетки зависела судьба генсека и судьба «его» СССР. Но в сталинской интерпретации «социалистического строительства» в правящей партии и госаппарате было место только абсолютно послушным исполнителям, не участвовавшим ни в каких оппозициях и даже не работавшим где-либо с оппозиционерами. Делегаты XVI конференции ВКП(б), в своем большинстве обращавшиеся к реальным фактам и дававшие им (в меру свободы от марксистских догм) свое толкование, оказались из иного человеческого материала.

Наиболее значительной была та часть коммунистов, которая на конференции проявила *сопротивляемость* наиболее оголтелым инициативам сталинцев. Положительные результаты нэпа выработали некоторый потенциал социального иммунитета от леворадикальных действий и насилия в жизни части советских функционеров. Именно эти управленцы пытались перевести разговор на острые социально-экономические

проблемы; стремились к сохранению хотя бы «усеченного» нэпа. Позиции указанной группы ослабляла устоявшаяся ненависть к частному капиталу, прежде всего к кулачеству, но не доходившая до поддержки *превентивных* репрессивных мер.

В отличие от предшествующих четырех пленумов ЦК ВКП(б) весной 1928 – весной 1929 г., разделивших партийную элиту на сторонников сохранения многоукладной экономики («сопротивляющихся»), конформистов, а также активно поддерживающих линию Сталина, большинство делегатов XVI конференции ВКП(б) демонстрировали одновременно и сопротивляемость курсу на сплошную коллективизацию, и подчеркнутый конформизм, исправно голосуя за резолюции, осуждавшие «правых».

В результате резолюции XVI конференции, с одной стороны, осуждали «правых» как «антипартийных отступников», с другой стороны, воспроизводили главные мысли А.И. Рыкова и его сторонников, намечая на пятилетку умеренные темпы роста колхозно-совхозного сектора в советской деревне, например, по всесоюзной валовой сельскохозяйственной продукции – с 2 до 15 %. Кроме того, акцент был сделан на охват крестьянских хозяйств испытанными в годы нэпа видами кооперирования: с 37,5 до 85 %. Резолюции резюмировали: «крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам как враждебная сила, а смыкается с ними» [15, с. 623, 624, 630].

Казалось, воздействие сталинского обмана на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) закончилось, наступала пора прозрения. Но последняя апрельская неделя 1929 г. открывала уже другой период советской истории: вытеснив политических оппонентов за пределы руководства либо лишив их реальных рычагов управления, Сталин уже не нуждался в каких-либо резолюциях партийных форумов. Конференции и съезды должны были превратиться в своеобразный декорум замыслов вождя. Дискуссии на XVI конференции ВКП(б) уже не было: в апреле 1929 г. они уходят в прошлое. Это последний партийный форум, на котором демонстрируется разное понимание одного глобального вопроса, но без прямой полемики. Однако противостояние сталинскому курсу не исчезает – оно обретает иные формы, создавая своеобразную синусоиду реальной советской истории, с провалами, вызванными леворадикальными экспериментами и тоталитарным террором, и усилиями по их преодолению или смягчению. Индустриальный проект и утопическая химера не «сталкивались лбами», а порождали новые причудливые образования: советское государство, советское общество, советский человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верт Н. История советского государства. 1990–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
2. Об итогах XVI конференции ВКП(б). М.; Л.: Госиздат, 1929. 42 с.

3. Данилов В.П., Ватлин Ю.А., Хлевнюк О.В. Введение. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 4: Пленум ЦК ВКП(б) 16–23 апреля 1929. С. 5–17.
4. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
5. Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. М.: Политиздат, 1972. 336 с.
6. Звездин З.К. От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.
7. Гладков И.А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
8. Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 319–336.
9. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2002. 472 с.
10. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: Изд-во АСТ, 2016. 464 с.
11. Такер Р. Диктатор у власти. 1928–1941 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 798 с.
12. Итоги XVI конференции ВКП(б). М.: Прибой, 1929. 224 с.
13. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 271 с.
14. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Изд-во Европейский Дом, 2006. 570 с.
15. Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стеногр. М.: Политиздат, 1962. С. 837.
16. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 4: Пленум ЦК ВКП(б) 16–23 апреля 1929. 767 с.
17. Фельдман М.А. Конец «романтической» эпохи. Дискуссия на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, форм и методов «социалистической» модернизации // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 135–148.

REFERENCES

1. Vert N. The Soviet state history. 1990–1991. Moscow, Progress, Progress-Akademiya, 1992, 480 p. (In Russ.)
2. On the XVI CPSU(b) conference results. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, 42 p. (In Russ.)

3. Danilov V.P., Vatlin Yu.A., Khlevnyuk O.V. Introduction. The April Plenum of the CPSU(b) Committee and Central Control Commission in 1929. *Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b). 1928–1929 gg.* Moscow, 2000, vol. 4, pp. 5–17. (In Russ.)
4. Lel'chuk V.S. The USSR socialist industrialization and its interpreting by the Soviet historiography. Moscow, Nauka, 1975, 312 p. (In Russ.)
5. Kas'yanenko V.I. Conquering the USSR economic independence. Moscow, Politizdat, 1972, 336 p. (In Russ.)
6. Zvezdin Z.K. From GOERLO to the first five-year plan. Moscow, Nauka. 1979, 269 p. (In Russ.)
7. Gladkov I.A. On the history of the first five-year plan of national economy. *Planovoe khozyaistvo*, 1935, no. 4, pp. 106–142. (In Russ.)
8. Rogachevskaya L.S. Alternatives to the first five-year plan of the national economy development. *Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat.* Moscow, Nauka, 1994, pp. 319–336. (In Russ.)
9. Ken O.N. Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s). Saint Petersburg, Evropeiskiy Dom, 2002, 472 p. (In Russ.)
10. Khlevniuk O.V. Stalin. A leader life: a biography. Moscow, AST, 2016, 464 p. (In Russ.)
11. Taker R. A dictator in power. 1928–1941. Moscow, Tsentrpoligraf, 2013, 798 p. (In Russ.)
12. The XVI CPSU(b) conference results. Moscow, Priboi, 1929, 224 p. (In Russ.)
13. Osokina E.A. Behind the facade of “Stalin’s abundance”: distribution and market in provision of supplies to population in the industrialization period. 1927–1941. Moscow, ROSSPEN, 2008, 271 p. (In Russ.)
14. Yarov S.V. Conformism in the Soviet Russia: Petrograd of 1917–1920s. Saint Petersburg, Evropeiskii Dom, 2006, 570 p. (In Russ.)
15. The Sixteenth conference on the 23–29 of April, 1929. Verbatim record. Moscow, Politizdat. 1962, 837 p. (In Russ.)
16. How the NEP was broken. The verbatim of plenums of the CPSU(b) Central Committee and Central Control Commission. 1928–1929. In 5 vols. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 4: The Plenum of the CPSU(b) Central Committee on the 16–23 of April 1929, 767 p. (In Russ.)
17. Feldman M.A. The end of “romantic” epoch. (Discussion at the April (1929) CPSU(b) Plenum about choosing the way, forms and methods of “socialist” modernization). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2019, no. 3, pp. 135–148. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.07.2019